

АЛЕНА ОРИОН

ЭЛАРИС:
ДЕНЬ, КОГДА ВСЁ
ИЗМЕНИЛОСЬ

Алена Орион

**Эларис: День, когда
всё изменилось**

«Автор»

2026

Орион А.

Эларис: День, когда всё изменилось / А. Орион — «Автор», 2026

У Флейм нет времени на долгие раздумья. Пока эльфы столетиями взвешивают каждый шаг, её человеческая жизнь проносится как искра. Она привыкла жить здесь и сейчас: если гореть — то ярко, если влюбляться — то наотмашь. И плевать, что ОН — эльф из высокого рода, а она — «неправильная» магесса, которая едва не испортила ему камзол дурацким бокалом вина. Общество взорвалось осуждением, его семья подкинула тысячу причин, почему этот союз — безумие. Но у Флейм на всё это один ответ: завтра не гарантировано никому. Даже тем, кто считает себя бессмертным. Она не знала, насколько была права. Очень скоро весь мир изменится — и все эти титулы, приличия и чужие планы превратятся в пыль. Останется только то, что успело стать настоящим. От автора: Книги однотомники. Каждая история — это самостоятельный путь, но вместе они складываются в мир, где каждое решение оставляет след. Приквел — Эларис: День, когда всё изменилось (вы здесь) Книга 1 — Сердце ледяного феникса Книга 2 — Чужая кровь: брешь в барьере

© Орион А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Заявление о капитуляции	5
Глава 2: Тень дракона	9
Глава 3: Красное на белом	13
Глава 4: Танец на краю кратера	15
Глава 5: Статистика и севооборот	19
Глава 6: Геометрия диверсии	21
Глава 7: Холодная роса	23
Глава 8: Следы на коже	27
Глава 9: Урок огня	32
Глава 10: География случайных встреч	36
Глава 11: Тепло на ладонях	39
Глава 12: Зеркало и время	43
Г	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алена Орион

Эларис: День, когда всё изменилось

Глава 1: Заявление о капитуляции

Корсет был не просто одеждой — он был заявлением о капитуляции.

Флейм замерла перед зеркалом, стараясь дышать мелко и экономно, словно воздух в комнате стал платным. Костяные пластины, обтянутые кремовым шелком, впивались в ребра, напоминая о себе при каждом вдохе. Золотая нить, которой была расшита ткань, холодила кожу, а тугая шнуровка за спиной превращала позвоночник в несгибаемую стальную спицу.

— Не сутулься, — донесся голос матери.

Леди Кейрн даже не подняла глаз от массивной шкатулки. Она перебирала украшения с таким видом, будто заново пересчитывала золотой запас королевства. Шорох бархатных подушечек и сухое постукивание камней друг о друга в тишине комнаты звучали как обратный отсчет.

— Я не сутулюсь, мам, — Флейм попыталась расправить плечи, но корсет тут же напомнил о границах дозволенного резким уколом под лопатку. — Я просто пытаюсь договориться со своими легкими о мирном сосуществовании.

— Дышать можно и с прямой спиной. Это вопрос дисциплины, а не объема легких.

Мать поднялась. В её движениях сквозила та самая эльфийская отточенность, которую она, будучи человеком, довела до абсолюта за годы жизни в высшем свете. Она подошла к Флейм, держа в пальцах два увесистых украшения.

— Жемчуг или сапфиры? — Она замерла, склонив голову. Это не был вопрос, требующий ответа — это был анализ эстетической совместимости.

— Мне всё равно, — честно призналась Флейм.

— Тебе всегда всё равно, — в голосе матери не было злости, лишь привычная, тонкая, как папиросная бумага, усталость. Она поднесла жемчужину к лицу дочери. — Жемчуг. Твоя кожа в свете магических ламп станет фарфоровой. Сапфиры превратят тебя в ледяную статую, а у нас сегодня другая задача.

Флейм уставилась в зеркало. Отражение казалось чужим — слишком гладким, слишком «правильным». Нилла, горничная, сотворила с её каштановыми волосами настоящее чудо архитектурной мысли. За тридцать минут она усмирила непокорные кудри, превратив их в безупречный каскад. Флейм знала: это ненадолго. Через час одна прядь непременно выскользнет у виска, через два — прическа превратится в тот самый «художественный беспорядок», который мать называла катастрофой, едва сдерживая дрожь в голосе.

В карих глазах Флейм, подернутых золотистой дымкой, заплясали искры иронии.

— Ты сегодня будешь умницей? — Мать аккуратно, почти без касаний, продела швензу серьги в мочку её уха. От неё пахло сухой лавандой и чем-то металлическим — магическими притирками для сохранения молодости.

— Я всегда воплощение благоразумия.

— Флейм.

— Мама.

Леди Кейрн выдохнула — медленно, с достоинством человека, привыкшего к затяжным осадам. Она обошла дочь, вставая у неё за спиной. В зеркале они выглядели как две версии одной и той же картины: одна — законченная, покрытая защитным лаком, другая — всё еще набросанная дерзкими, живыми мазками.

— Лорд Вейн будет сегодня, — обронила мать, поправляя невидимую складку на платье дочери.

— О, я в этом не сомневалась. Такие, как он, не пропускают возможности выгулять свои ордена.

— Он интересовался тобой на прошлом приёме. Очень предметно.

— Знаю.

— Ему сорок семь. У него три поместья и...

— И три покойные жены, — закончила Флейм за неё. — Давай называть вещи своими именами. Статистика не на его стороне.

Мать поджала губы, её пальцы на мгновение замерли на плече Флейм.

— Люди теряют близких. Это трагедия, а не повод для твоих язвительных замечаний.

— Трижды — это уже не трагедия, это серийная привычка.

— Флейм! — Мать развернула её к себе, заставляя смотреть в глаза. Её ладони были сухими и теплыми. — Ты молода, талантлива, у тебя имя, которое открывает любые двери. У тебя есть Искра. Но ты тратишь время на то, чтобы доказывать профессорам в Академии, что их формулы горения несовершенны.

— Потому что они правда несовершенны, — тихо, но твердо вставила Флейм.

— Я хочу, чтобы тебя носили на руках, — голос матери вдруг дрогнул, в нем проступила неожиданная мягкость, от которой у Флейм защемило в груди. Она поправила выбившийся локон у виска дочери — этот жест был искренним, лишенным светского лоска. — Чтобы ты не знала, что такое холодные лаборатории и подсчет каждой монеты на реагенты.

— Но мне нравятся лаборатории.

— Просто... — Мать замолчала, подбирая слова. — Просто будь сегодня любезной. Не спорь. Не доказывай теоремы на паркете. Можешь сделать это ради меня?

Флейм посмотрела на мать. На тонкие морщинки в уголках её глаз, на едва заметную седину, которую та больше не считала нужным прятать за иллюзиями. В этом взгляде было столько неприкрытого страха за будущее дочери, что все саркастичные ответы застряли в горле.

— Могу, — выдохнула Флейм, чувствуя, как корсет сдавил грудь еще сильнее.

Мать заметно расслабилась. Напряжение, державшее её плечи, ушло.

— Вот и хорошо. Ты прекрасна. Даже с этим выражением лица.

— С каким еще?

— С тем самым, которое говорит, что ты уже придумала, как превратить этот вечер в грандиозный скандал, — мать едва заметно улыбнулась.

Флейм ответила ей широкой, ослепительно-невинной улыбкой.

— Скандал — это так вульгарно, матушка. Я предпочитаю называть это «ярким финалом».

* * *

Карета покачивалась на мостовой — мягко, убаюкивающе, словно колыбель. Столица за окном проплывала в россыпи вечерних огней, размытых легкой дымкой. Флейм прижалась лбом к прохладному стеклу, наблюдая за фонарщиками. Крохотные фигурки с длинными шестами заканчивали свой обход; магические огни вспыхивали один за другим вдоль улицы, точно золотые бусины, нанизанные на невидимую нить.

Где-то в глубине переулка взорвалась смехом компания молодых людей — слишком громко и бесшабашно для благопристойного квартала. В щель приоткрытого окна просочился запах жареных каштанов: сладкий, с отчетливой горчинкой дыма, по-настоящему осенний. Флейм жадно вдохнула его, стараясь запомнить этот миг.

Она любила этот город. Не за выбеленные фасады и не за строгость парковых аллей — хотя Эларис был бесспорно красив. Она любила его за хаос. За то, что он был живым, ершистым и совершенно непредсказуемым. Здесь можно было свернуть за угол и мгновенно провалиться

в квартал гномов, где воздух вибрировал от гула молотов и пах раскаленным металлом. А через две сотни шагов — оказаться среди домиков халфлингов, откуда вечно несло пряным рагу и где музыка не затихала даже в предрассветные часы.

Единый Эларис. Место, где драконорожденный посол из далекого Дарнасса в своих тяжелых чешуйчатых доспехах мог делить тротуар с дочерью торговца зерном, и это никого не приводило в трепет. Флейм иногда замирала от этой мысли, внезапно осознавая, насколько хрупким и прекрасным было это чудо — их жизнь под общим небом. Мир, который казался вечным просто потому, что другого они не знали.

Мать всю дорогу хранила молчание. Она смотрела в противоположное окно, и в тусклом свете каретных ламп её профиль казался высеченным из мрамора. О чем она думала? О долгах семьи? О выгодных партиях? Флейм не спрашивала. Иногда тишина между ними была гораздо честнее любого разговора — в ней не нужно было притворяться «умницей» и подбирать правильные слова.

Глава 2: Тень дракона

Дворец умел производить впечатление. Флейм отдавала ему должное каждый раз: это был тот редкий случай, когда вызывающая роскошь не скатывалась в безвкусицу. Белокаменные колонны взмывали вверх на три человеческих роста, подпирая расписные своды. Люстры — каждая размером с каретную кабину — заливали зал ровным, медовым светом. Казалось, внутри каждой хрустальной подвески заперто по крошечному, послушному солнцу. Вдоль стен в высоких вазах томились огромные белые пионы. Их пряный, густой аромат кружил голову, заставляя забыть о душном запахе пудры и пота. Эльфийская декоративная магия в чистом виде: у людей цветы вяли через несколько часов, здесь же они оставались вызывающе свежими до последнего гостя.

Флейм вошла следом за матерью, избавилась от плаща и на мгновение замерла у входа, просто чтобы впитать этот масштаб.

Зал кипел. Около двухсот гостей: люди в тяжелых парчовых камзолах и юбках на обручах, занимавших столько места, будто каждая дама была отдельным государством. Эльфы держались особняком, небольшими группами. Они выглядели так, как и подобало их расе на людских приемах: снисходительно-безупречно, словно они не пришли на бал, а милостиво позволили празднику случиться в их присутствии. В стороне, прислонившись к стене, стояла пара гномов в парадных доспехах с золотой насечкой. Они цедили пиво из тяжелых кружек и переговаривались с видом мастеров, которым здесь уютно, но чертовски непривычно.

Смех Дары Флейм слышала раньше, чем увидела её саму. Короткий, искренний, лишенный светской фальши, он прорезал гул голосов, как чистая нота. Дара уже заметила подругу — она приветственно приподняла бокал и ловко свернула разговор, уходя так мягко, что собеседник вряд ли почувствовал себя брошенным.

— Ты опоздала на целых пятнадцать минут, — заметила Дара, подходя ближе.

— Корсет, — лаконично выдохнула Флейм.

— Аргумент принят, — Дара окинула её быстрым, рентгеновским взглядом. — Жемчуг? Хороший выбор. Мать?

— Она самая.

— Она права. Как и всегда.

Дара была воплощением спокойного знания. Её бледно-золотистое платье казалось продолжением кожи, а единственная янтарная заколка у виска стоила, вероятно, больше, чем весь гардероб средней дворянки, но не кричала об этом. Флейм порой до боли завидовала этой её способности — выглядеть готовой ко всему, не потратив на подготовку ни одной лишней нервной клетки.

— Лорд Вейн уже здесь, — вполголоса произнесла Дара, не меняя выражения лица. — У дальней колонны. Борода стала еще монументальнее. Твоя мать смотрит на него так, будто уже расписала ваши будущие расходы на три года вперед.

— Мама всегда всё решает в первом акте.

— Это её суперсила, — Дара сделала глоток вина и едва заметно кивнула в сторону. — Иди к послу из Дарнасса. Я прикрою.

— К Лейре? Зачем? — Флейм нахмурилась, чувствуя, как корсет протестующе скрипнул.

— С того, что Вейн уже взял след и движется сюда с грацией груженной баржи. И, насколько мне известно, он боится драконорожденных больше, чем бесплодия своих земель, — Дара едва заметно усмехнулась, поправляя янтарную заколку. — Лейра — это ходячая зона отчуждения. К нему никто не подойдет без официального протокола, а значит, там ты в безопасности. К тому же, он единственный в этом зале, кто не пахнет нафталином и скукой. Иди. Это приказ.

— Ты лучший стратег в моей жизни, — шепнула Флейм.

Она развернулась и пошла к окнам, стараясь сохранять походку «светской леди», хотя внутри всё клокотало от желания просто побегать. На ходу она ловко перехватила бокал красного вина с подноса зазевавшегося слуги — не столько ради вкуса, сколько ради возможности занять руки и выглядеть непринужденно. Тёмная жидкость едва качнулась у краев, но Флейм уверенно сжала тонкую ножку бокала, направляясь напрямиком в сторону посла.

Лейра стоял у высокого окна, и казалось, сама ночь за стеклом была его продолжением. Вокруг него действительно образовался невидимый барьер — футов пять пустого паркета, который гости обходили по широкой дуге. Драконорожденный посол был монументален. Медная чешуя на его скулах поблескивала в свете люстр, а золотые глаза с вертикальными зрачками смотрели на танцующих с тем бесстрастным любопытством, с каким смотрят на муравейник.

Флейм решительно перешагнула невидимую границу его личного пространства. По залу пронесся тихий шепоток — дочь лорда Кейна снова нарушала правила, подходя к «опасному» гостю без посредников.

— Хорошее вино? — спросила она, останавливаясь в шаге от него.

Он перевел на нее взгляд. Зрачки сузились, фиксируя цель.

— Среднее, — голос Лейры был глубоким, с отчетливой хрипотцой, напоминавшей треск углей. — Но сойдет за топливо для вежливости.

— Могу посоветовать столик у северной стены. Там красное из другой бочки, урожай более удачный, судя по тому как решительно пустеют подносы с бокалами.

— Ценные сведения, — он едва заметно наклонил голову. — Лейра. Посол Дарнасса.

— Флейм. Просто гостя.

— Просто гостя с талантом к разведке. Приятно познакомиться, Флейм.

Флейм собиралась ответить чем-то столь же светски-отстраненным, но краем глаза заметила в отражении оконного стекла, как у главного входа зашевелилась толпа. Лорд Вейн настиг леди Кейрн. Они замерли в начале прохода, озираясь по сторонам. Мать приподняла подбородок, сканируя залу тем самым взглядом, от которого у Флейм с детства холодело в груди.

Флейм инстинктивно шагнула глубже в «мертвую зону» вокруг посла, почти коснувшись его локтя.

— Вы не против? — спросила она уже тише, пытаясь поймать его взгляд. — Побить моей крепостью на эти пять минут?

Лейра не шевельнулся, но его зрачки-щелочки мгновенно скользнули по залу, безошибочно вычисляя источник угрозы в лице матери и Вейна. Он чуть склонил голову, и медная чешуя на его шее издала сухой, мелодичный звук, столкнувшись с жестким стоячим воротником мундира.

— В Дарнассе говорят: «Тень дракона — самое безопасное место в пустыне», — прокотал он. — Пользуйтесь моим гостеприимством, Флейм. Мне всё равно было невыносимо скучно наблюдать за тем, как эти люди пытаются казаться важнее, чем они есть на самом деле.

Он чуть повернул корпус, окончательно закрывая её своим мощным плечом от центра зала. Дистанция сократилась настолько, что Флейм почувствовала исходящий от него жар — драконорожденные всегда были теплее людей. Чтобы видеть его лицо, ей пришлось заметно задрать голову, и в этом положении она казалась себе совсем хрупкой, хотя Лейра смотрел на неё без тени превосходства.

Затянувшаяся пауза могла бы стать неловкой, но посол решил её разбавить.

— Я слышал ваше имя в Академии, — сказал он, и в его голосе проснулось любопытство, которого не было раньше. — Старые маги ворчат о «дерзкой девчонке», которая ставит под сомнение законы стихий. Расскажите мне... почему они так боятся вашей «неправильной температуры»? В моем краю ценят огонь, который способен плавить скалы, а не тот, что едва согревает чайник в гостиной.

Флейм почувствовала, как внутри шевельнулся азарт. Впервые за долгое время кто-то спросил её о деле, а не о цвете её платья или длине шлейфа.

— Потому что они застряли в учебниках трехсотлетней давности, — она подалась чуть вперед, окончательно забыв о приличиях и дистанции. — Они боятся, что если позволить Искре резонировать с волей мага, а не с жесткой сухой формулой, пламя станет нестабильным. Но нестабильность — это и есть жизнь! Если запереть огонь в идеальную клетку, он просто... гаснет. Становится безжизненным светом, в котором нет души.

Лейра слушал её, не перебивая. В его глазах отражалось пламя сотен свечей, заставляя золотые зрачки сиять, точно расплавленный металл в горне.

— Живой огонь, — повторил он, и в его рокочущем голосе послышалось явное одобрение. — Редкая мысль для этого сонного, застывшего города. Вы мне нравитесь, Флейм. В вас больше чешуи и истинной силы, чем во многих моих соплеменниках.

Флейм искренне улыбнулась. Ей было удивительно легко рядом с этим огромным, пугающим всех существом. Ей хотелось расспросить его о том, как укрощают пламя в горах Дарнасса, но случайный взгляд в сторону заставил её сердце пропустить удар.

Глава 3: Красное на белом

Леди Кейрн уже стояла рядом с Дарой. Она вежливо, но непреклонно допрашивала подругу, а лорд Вейн за её спиной, как верный пес, преданно переминался с ноги на ногу. Мать медленно поворачивала голову, дюйм за дюймом сканируя зал. Еще мгновение — и она вычислит Флейм даже за широкой спиной Лейры.

— Кажется, моя крепость вот-вот подвергнется осаде, которую не выдержит даже дракон, — прошептала Флейм, нервно сжимая ножку бокала так, что побелели костяшки пальцев.

Лейра снова проследил за её взглядом и понимающе хмыкнул. Его губы тронула суровая усмешка.

— Матриархи — это единственная сила в мире, способная остановить легион на скаку. Вам лучше сменить позицию, Флейм, пока они не зажали вас в угол.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, Лейра, — Флейм сделала быстрый, но безупречно-изящный реверанс. — Обещаю: в следующий раз мы обсудим термодинамику без угрозы немедленного замужества.

— Буду ждать, — посол приподнял свой бокал в прощальном жесте. — Идите. Я задержу их внимание на минуту, если они направятся в эту сторону.

Флейм благодарно кивнула и нырнула в гущу танцующих пар. План был прост: раствориться, стать невидимой, исчезнуть с радаров матери. Ноги сами несли в сторону дальних окон, где свет люстр вяз в тяжелых портьерах, а наряды гостей переставали слепить глаза.

До безопасной ниши оставались считанные шаги. В голове всё еще рокотал голос Лейры, а сердце колотилось от адреналина погони. Флейм на секунду обернулась, высматривая в толпе перьевой султан Вейна, и...

Дзынь.

Тонкое стекло бокала встретилось с чьим-то локтем. Тяжелая багровая волна выплеснулась вперед, пачкая безупречный, как свежий снег, шелк чужого рукава, выступающий из-под темного камзола

Флейм замерла. Она медленно подняла взгляд, уже готовя маску виноватой дурочки, но заготовленное «простите» застряло в горле.

Перед ней стоял Эларийон.

Узнавание вспыхнуло — остро, мгновенно. Полгода назад у лорда Кейна он был единственным, кто не разглядывал её как экзотическую зверушку, пока она до хрипоты спорила о природе огня. Он тогда просто наблюдал — и это ледяное спокойствие врезалось в память лучше любых комплиментов.

Эльф выглядел возмутительно идеально. Светлые волосы — прядь к пряди, тёмно-синий камзол сидит как влитой. Рядом задохнулся на полуслове вельможа в орденах, чья пафосная речь оборвалась при виде багрового пятна на шелке. Знакомый взгляд Эларийона, обычно направленный сквозь собеседника, в этот раз сфокусировался на катастрофе.

Знаменитая отстраненность дала трещину.

Эларийон перевел взгляд с испорченного рукава на лицо Флейм. В глубине его глаз что-то менялось — медленно, как погода перед грозой. Он ждал.

Любая другая начала бы рассыпаться в извинениях. Но эхо одобрительного «живой огонь» от Лейры еще звенело в ушах, и Флейм вдруг почувствовала азарт. Она чуть склонила голову набок, с исследовательским интересом изучая дело рук своих.

— Красное на белом, — произнесла она, и голос прозвучал неожиданно четко в наступившей тишине. — Это называется контраст. В определенных кругах считается смелым художественным приемом. Вам идёт.

Пауза затянулась. Вельможа открыл было рот, чтобы возмутиться, но Эларион едва заметно повел подбородком. Короткого жеста хватило: старик мгновенно сдулся, пробормотал что-то невнятное и поспешно растворился в толпе.

В глазах эльфа — глубоких, как лесное озеро — прошла рябь.

— И в каких же кругах принято так радикально обновлять чужой гардероб? — спросил он. Голос оставался ровным, но в нем проснулась ирония.

— В тех, где честность ценится выше, чем умение не проливать напитки. Мы встречались у лорда Кейна, Эларион. Полгода назад вы выглядели так же... содержательно.

— Я помню вас, Флейм.

Он принял салфетку, которую она подхватила со столика. Пальцы на мгновение соприкоснулись. Короткий, как удар тока, импульс обжёг руку до самого плеча. Магический резонанс или просто статика? Сердце предательски ускорило.

— Вы тогда доказывали хозяину дома, что он дилетант в вопросах температуры горения, — продолжил он, не сводя с нее глаз. — У бедняги Кейна до сих пор дергается глаз при упоминании огненной магии.

— Магия не прощает неточностей. Это было бы нечестно по отношению к стихии.

— По отношению к стихии... — повторил он, словно пробуя фразу на вкус. — Редкая в этих стенах преданность делу.

Слуга, возникший словно из воздуха, жестом пригласил гостя следовать за ним для спасения камзола. Флейм осталась у окна. Она могла бы уйти — идеальный момент, пока мать отвлечена. Но ноги не двигались. Музыка сменилась: усыпляющий ритм уступил место чему-то живому, с дерзкими синкопами и низким рокотом контрабаса.

Эларион вернулся через несколько минут. От недавней катастрофы на рукаве не осталось и следа.

— Вы не ушли, — заметил он, останавливаясь рядом. Теперь их разделяла та степень близости, которая заставляет либо отступить, либо затаить дыхание. Флейм не сделала ни того, ни другого.

— Музыка стала стоять того, чтобы её дослушать. Чистое совпадение.

— Разумеется.

Они стояли молча. Это не была тяжелая тишина — скорее, передышка, в которой обоим было странно уютно. Пока другие панически заполняли пустоту чепухой о погоде, Эларион просто смотрел на зал. Флейм чувствовала исходящее от него спокойствие, так непохожее на её собственную внутреннюю бурю.

— Вы не любите балы, — утвердительно сказала она, глядя перед собой.

— Я нахожу их... полезными для самонаблюдения, — ответил он после паузы.

— Это самый изысканный способ сказать «мне скучно до тошноты», который я когда-либо слышала.

Уголок его губ дрогнул в тени улыбки.

— Вы часто говорите людям правду в лицо?

— Почти всегда. Жизнь слишком коротка для фальшивых слов. — Она сделала глоток вина, поймав его взгляд. — Потанцуем?

Эларион посмотрел на свой рукав, потом на неё. В глазах промелькнул азарт.

— Вы только что пытались меня утопить.

— Именно поэтому я вам должна. Считайте это платой за моральный ущерб и испорченный шелк. — Она уверенно протянула ему руку.

Он медлил ровно секунду, а затем его пальцы сомкнулись на её ладони. Хватка оказалась неожиданно крепкой.

— Резонно.

Глава 4: Танец на краю кратера

Когда Эларион вывел её в круг, музыка сменила характер. Скрипки зазвучали резче, вступая в спор с виолончелью. Это не был чопорный менуэт; это была «Вольга» — танец, требующий опасной близости и безупречного равновесия.

Его рука легла на талию. Флейм ожидала прохладного прикосновения эльфа, но сквозь тонкий шелк почувствовала уверенное, живое тепло, совсем не вяжущееся с его отстраненным видом. Он двигался с той пугающей грацией, которая выдавала в нем не придворного щеголя, а бойца, привыкшего полностью контролировать свое тело.

— Надеюсь, танцуете вы лучше, чем целитесь бокалом, — негромко произнес он, делая первый шаг.

Они закужились. Флейм привыкла к партнерам, которые либо держали её слишком робко, либо неуклюже пытались доминировать, но здесь её вела неоспоримая сила. В этом вихре зал перестал существовать — остались только жесткий ритм и его ладонь, ставшая для неё единственной точкой опоры.

— Моя точность была безупречной, — парировала она, глядя прямо в его глаза. — Пятно легло именно туда, куда я... не целилась.

Эларион усмехнулся — одними глазами. Сдержанно, почти неуловимо.

— Ваша манера вести бой восхищает. Давно вы терроризируете столицу своим присутствием?

— С самого рождения, — Флейм выдержала его взгляд. — А вы, я слышала, здесь гость нечастый?

— Три недели. По меркам моего народа — я только что переступил порог.

— Нравится?

Эларион замолчал. Он действительно задумался, прежде чем ответить, и Флейм кожей почувствовала эту эльфийскую медлительность, пугающую и завораживающую одновременно.

— Город живой, — произнес он наконец. — У нас в Элварии спокойнее. Медленнее.

— Это плохо?

— Нет. Просто иначе.

В этот момент музыка взлетела, требуя рывка. Эларион притянул её к себе, уводя с траектории другой пары, и не спешил возвращать дистанцию. Флейм ощутила холод его шелка и запах леса после первого мороза — колючий, чистый, совершенно нездешний.

— Удивительно, — выдохнула она, глядя, как свет свечей дробится в его зрачках. — Самый невозмутимый эльф в столице, а сердце колотится так, будто вы только что закончили фехтовальный поединок. Я вас пугаю, Эларион?

Эларион не отвел взгляда. Он не разрывал дистанцию, словно проверяя на прочность собственную хваленую выдержку.

— Трудно сохранять равновесие, когда танцуешь на краю кратера, — негромко отозвался он. — От вас исходит почти осязаемый жар, Флейм. И дело не в духоте этого зала.

— Это магия, — она чуть вскинула подбородок, принимая вызов. — Моя стихия редко бывает спокойной.

— Стихия отражает того, кто ею владеет, — он увлек её в новый поворот, и Флейм ощутила, как его пальцы на её руке на мгновение сжались чуть крепче. — Другие маги огня, которых я встречал, пахнут гарью и амбициями. В вас же... в вас есть что-то пугающе искреннее. Что вас так тянет к пламени? Только не говорите про престиж или силу.

Флейм замолчала на мгновение, захваченная этой неожиданной пронизательностью.

— Огонь живой, — просто ответила она, и её голос потерял светскую колючесть. — С ним можно разговаривать.

Эларион на мгновение нахмурился, словно проверяя её слова на прочность.

— И он отвечает?

— Он слышит. Этого достаточно.

— У нас в Элварии старейшины говорят то же самое про деревья, — произнес он после паузы. — Я всегда считал это просто красивой сказкой для молодежи.

— А если не сказка?

— Тогда мир гораздо сложнее, чем я привык думать, — отозвался он.

Мелодия достигла пика, взмывая к высокой, почти пронзительной ноте. Эларийон подхватил её, и на долю секунды Флейм оторвалась от пола — в этом прыжке она была лишена веса, доверив себя его рукам. Именно тогда она встретилась взглядом с матерью.

Леди Кейрн стояла у колонны, идеально прямая, как клинок. Она не шевелилась, но Флейм физически ощутила, как между ними натянулась невидимая струна. Мать смотрела не на дочь, а на руку эльфа на её талии — смотрела так, словно выносила смертный приговор. В этом взгляде было всё: рухнувшие планы, неоплаченные счета и ледяное обещание расплаты.

Флейм невольно вздрогнула. Эларийон не сбился с шага, но его хватка стала жестче, а плечо — шире, создавая между ней и матерью надежный барьер.

— Ваша мать выглядит так, будто планирует объявить мне войну прямо посреди кадрили, — негромко сказал он.

— Она планирует моё будущее. А вы в него не вписываетесь.

— Какое досадное недоразумение, — в глубине его глаз на мгновение вспыхнул азарт, который он тут же скрыл за маской вежливой отстраненности. — А я как раз начал думать, что этот вечер перестал быть скучным.

Музыка начала замедляться. Скрипки затихали, уступая место глубокому рокоту контрабаса. Они оба неосознанно растягивали последние такты, не желая обрывать этот странный, запретный контакт. Когда финальный аккорд замер, Эларийон не отстранился резко — он медленно отпустил её руку, позволяя мгновению тишины продлиться чуть дольше положенного.

— Спасибо, — тихо произнес он, склоняясь к её уху.

— За рукав или за танец? — спросила она, пытаясь вернуть голосу прежнюю колючесть.

— За честный обмен, — он едва заметно улыбнулся, совершая безупречный, спокойный поклон. — Был рад познакомиться с вами... и вашим огнем.

Он выпрямился, и его взгляд снова стал ровным и непроницаемым. Не дожидаясь ответа, Эларийон развернулся и направился в сторону террасы, легко теряясь в толпе гостей. Флейм осталась стоять одна, чувствуя, как место его ладони на талии начинает медленно остывать.

Этот странный, запретный контакт растаял вместе с музыкой, оставив лишь остывающий след эльфийского тепла на талии Флейм. Но магия огня и льда столкнется в этом мире еще не раз...

Хотите узнать, во что превратится это противостояние спустя шесть веков? Перенеситесь на 600 лет вперед — в суровый Торнхейм будущего. Там, где древние барьеры уже трещат по швам, а непреклонному капитану стражи и дерзкой девушке-алхимику придется делить один вдох на двоих из-за проклятого магического браслета. Окунитесь в бурю чувств, опасных зелий и скрытых тайн в завершённом романе [«Сердце ледяного феникса»!](#)

###ЧИТАТЬ###

Глава 5: Статистика и севооборот

Флейм взяла новый бокал и позволила толпе поглотить себя. Зал превратился в поток лиц, запахов и обрывков фраз. Она двигалась в этом течении механически: безупречно кивала, растягивала губы в дежурной улыбке и роняла светские пустяки, которые забывались прежде, чем затихало эхо слов.

Но мысли упрямо возвращались в центр залы — туда, где еще мгновение назад сам воздух казался наэлектризованным.

Эларион теперь стоял у противоположного окна в компании сухопарого пожилого эльфа. Он слушал собеседника с тем самым профессиональным, едва уловимым вниманием, которое Флейм уже научилась отличать от его обычной ледяной отстраненности. Его взгляд снова казался направленным сквозь окружающих, возвращая эльфу привычную броню. Всего один раз их глаза встретились через всё пространство залы. Он не улыбнулся — эльфы редко расстрачивают мимику впустую. Просто зафиксировал её присутствие долгим, секундным взглядом и ровно отвернулся.

Флейм почувствовала, как уголки её губ непроизвольно дрогнули вверх. Настоящая, не парадная улыбка.

— Ты светишься. Это почти неприлично, — раздался знакомый голос.

Дара возникла рядом так внезапно, словно всё это время была частью тени ближайшей колонны. В её взгляде читалось то самое понимающее лукавство, которое обычно предшествует очень неудобным вопросам.

— Я не свечусь, — возразила Флейм, возвращая лицу маску безразличия. — Это просто отсвет от люстр.

— Разумеется. Магические лампы нынче особенно коварны, — Дара встала плечом к плечу, делая вид, что увлеченно изучает лепнину на потолке. — Хорошо танцевал?

— Сносно.

— Твоё «сносно» обычно означает катастрофу, но сейчас оно звучит подозрительно похоже на триумф, — Дара чуть склонила голову, наблюдая за Эларионом издали.

— И какой тебе интерес до его техники танца? — Флейм постаралась, чтобы голос звучал буднично.

— О, это профессиональный интерес, не более. Я коллекционирую редкие астрономические явления, а то, как ты реагируешь, когда тебе кто-то по-настоящему нравится — событие уровня падения кометы. Оно заслуживает тщательного документирования.

Флейм посмотрела на подругу. Дара выглядела совершенно расслабленной — единственный человек в этом зале, которому не нужно было ничего из себя строить.

— Он... другой, — призналась Флейм, понизив голос. — В нем нет этой застоявшейся пыли, которой пахнут остальные. В нем есть жизнь.

— Я заметила. Твоя матушка, кстати, тоже заметила. Она не сводила с вас глаз весь танец.

— Знаю. Предпочитаю не думать об этом до завтра.

— Позиция здравая, но трудновыполнимая, — Дара вдруг подобралась, её взгляд метнулся куда-то за спину Флейм. — Твоё «завтра» только что решило наступить прямо сейчас.

— Флейм, — голос матери прозвучал как щелчок хлыста.

Леди Кейрн материализовалась рядом с той пугающей бесшумностью, на которую способны только матери и наемные убийцы. Она одарила Дару коротким взглядом, в котором ясно читалось: «Ваше присутствие здесь более не требуется».

— Леди Кейрн, — Дара изящно присела в реверансе, коснувшись пальцами руки Флейм — короткий жест поддержки. — Прошу прощения, кажется, я вижу своего дядю у фуршета.

Она исчезла в толпе прежде, чем Флейм успела схватить её за край платья.

— Лорд Вейн хочет быть тебе представлен, — невозмутимо продолжила мать. — И на этот раз постарайся обойтись без метафор о покойных женах.

Флейм подавила вздох, расправила плечи и обернулась.

Лорд Вейн оказался именно таким, каким она видела его издалека, но вблизи масштаб бедствия впечатлял сильнее. Монументальная фигура в камзоле из алой парчи, расшитом золотом так густо, что ткань казалась броней. Его борода, тщательно расчесанная и надушенная, была предметом его явной гордости. Он смотрел на Флейм с тем липким, собственническим одобрением, с каким коллекционер смотрит на редкую вазу — красиво, дорого, отлично впишется в интерьер.

— Леди Флейм, — пробасил он. Голос у него был сочный, раскатистый, привыкший перебивать лай гончих. — Ваша матушка потратила немало слов, описывая ваши достоинства.

— Надеюсь, она не слишком преувеличила мою кротость, — парировала Флейм, склонив голову. — Иначе боюсь разочаровать вас уже к середине беседы.

Вейн на мгновение замешкался, не понимая, шутка это или дерзость, но тут же громко расхохотался, хлопнув себя по бедру.

— Остроумно! Люблю девиц с огоньком. Говорят, вы одаренная магесса? Это правда?

— Смотря что считать даром, милорд. В Академии полагают, что мой дар — это в основном головная боль для профессоров.

— Ха! Скромность — украшение юности, — он самодовольно погладил бороду, совершенно не уловив иронии. — Я всегда говорю: женщине магия нужна ровно настолько, чтобы зажигать свечи и выглядеть очаровательно. Остальное — излишество.

Флейм бросила быстрый взгляд на мать. Леди Кейрн замерла с лицом каменного сфинкса, лишь едва заметно сжатые губы выдавали её напряжение. В её глазах застыла немая мольба.

— Сейчас начнется торжественный гранд-марш, — сообщил Вейн, подаваясь вперед. От него пахло дорогим табаком и тяжелым, «удушливым» парфюмом. — Я надеялся, что вы окажете мне честь и станете моей партнершей. Полагаю, такая пара привлечет все взоры в этом зале.

Флейм представила, как она будет выглядеть рядом с этим «красным шкафом» после полета в руках Эларииона. Контраст был почти физически болезненным. Но взгляд матери — затравленный, полный скрытой тревоги за их рушащийся дом — не оставил ей выбора.

— Конечно, лорд Вейн, — произнесла она, вкладывая пальцы в его тяжелую, горячую ладонь. — Как я могу отказать такому... заметному предложению?

Глава 6: Геометрия диверсии

Торжественный гранд-марш был старейшей традицией Элариса — помпезным, как позолоченный часовой механизм, и таким же неумолимым. Раз в вечер все расы — люди, эльфы, гномы и даже чешуйчатые гости из Дарнасса — должны были сплестись в единый узор. Музыканты сменили темп: скрипки уступили первенство виолончелям, а ритм стал математически выверенным и безжалостным. Главной особенностью марша была «цепь преемственности» — обязательная смена партнеров в середине танца.

Флейм заняла место в линии, чувствуя на плече тяжелую, как могильная плита, ладонь лорда Вейна. Впереди замерла эльфийская пара — воплощение надменной статики. Позади пристраивался гном в чешуйчатом доспехе, чья партнерша, дородная человеческая дама, смотрела строго поверх его макушки. Казалось, она вообразила себя монументальным маяком, а гнома — досадной рябью на воде у своего подножия.

Музыка ударила в низкие регистры.

Первые такты Флейм выдержала на чистом упрямстве. Лорд Вейн вел партнершу, как грузеную телегу — надежно, прямолинейно и с пугающим напором.

— ...и поверьте, леди Флейм, — грохотал он прямо в ухо, обдавая ее запахом табака и самодовольства, — правильный севооборот на северных пастбищах — это фундамент крепкого брака! Моя вторая покойная супруга, упокой ее боги, души не чаяла в мелиорации.

— Какая... страстная была женщина, — пробормотала Флейм, лавируя между его огромными сапогами. В голове она уже высчитывала, какой импульс Искры потребуется, чтобы его алый камзол деликатно самовоспламенился, не задев окружающих.

Прогремел гонг. Смена.

Цепь пришла в движение. Флейм перешла к высокому усатому чиновнику, который танцевал с грацией сушеной воблы, а затем — к гному.

Мастер Торн, судя по запаху канифоли и жара, был кузнецом. Он доходил Флейм до подбородка, но его ладони обхватили ее пальцы со стальной хваткой мастера-инструментальщика.

— Держись крепче, девка, сейчас будет вираж, — предупредил он.

Прежде чем Флейм успела уточнить характер маневра, гном вошел в поворот. Это не был танец — это была работа поршня в отлаженном двигателе. Мастер Торн не кружил ее, он ее центрифугировал. На каждом развороте Флейм ощущала, как подошвы туфель на несколько сантиметров отрываются от паркета. Это было технично, мощно и, к ее искреннему удивлению, куда приятнее аграрных лекций Вейна: гном не произнес ни слова, предпочитая безупречную физику движений бессмысленному сотрясанию воздуха.

— Хороший баланс, — одобрительно крикнул гном, передавая ее дальше. — Не то что эти эльфийские жерди.

Флейм не успела ответить. Ее ладонь скользнула из мозолистых рук кузнеца в прохладные, тонкие пальцы. Контакт был мгновенным, как разряд тока.

Эларион.

Он замер на долю секунды, фиксируя ее присутствие, а затем плавно увлек в поток. Контраст был почти болезненным: после тяжелого давления Вейна и механической мощи гнома, ведение эльфа казалось невесомым. Он не просто вел ее — он слушал каждое ее движение, подстраиваясь под ее ритм так, словно они репетировали этот танец столетие.

— Снова вы, — негромко произнес он, и в его голосе проступила едва заметная улыбка. — Приятно видеть, что подгорный народ не разобрал вас на запчасти.

— Мой скелет оказался прочнее, чем я предполагала, — Флейм поймала его взгляд, чувствуя, как внутри разливается опасное тепло. — Считайте это триумфом духа над механикой.

А как ваша партнерша? Кажется, она планирует объявить вам бойкот за чрезмерное наличие пульса?

Эларион едва заметно покосился на свою предыдущую даму — серебристоволосую эльфийку, которая продолжала двигаться с выражением лица «я здесь только ради сохранения мировой гармонии».

— Она считает, что танец — это форма медитации. Я, кажется, нарушил ее нирвану, случайно вдохнув.

Флейм не выдержала и коротко рассмеялась. Настоящий смех в этом зале звучал как святотатство, но Эларион лишь крепче сжал ее руку.

Музыка давала им последний оборот. Флейм посмотрела вперед. Там, сверкая алой парчой, как пожарный маяк, надвигался лорд Вейн. Он уже набрал воздуха в грудь, явно готовясь поведать ей о преимуществах подков из холодного железа.

Это было невыносимо.

— Когда будет смена, — Флейм заговорила быстро, не сводя глаз с Элариона, — вон там, за третьей колонной, есть боковой проход.

Эларион проследил за ее взглядом.

— Там сад, — констатировал он.

— Я знаю.

— Это разрушит геометрию марша. Наши партнеры окажутся в... затруднительном положении.

— Геометрия переоценена, Эларион. А я сейчас либо дезертирую, либо использую магию огня самым недипломатичным образом. Выбирайте.

Эларион посмотрел на приближающегося Вейна, затем снова на Флейм. В глубине его зрачков вспыхнул азарт — тот самый «живой огонь», который он так тщательно прятал под маской дипломата.

— Вы часто совершаете подобные диверсии?

— Только когда есть достойный сообщник.

Гонг к финальной смене ударил над их головами.

Вейн уже протягивал свои мясистые ладони, сияя, как начищенный медный таз. В этот критический момент Флейм резко сжала рукав Элариона и потянула его влево, в тень. Они скользнули за колонну ровно в ту секунду, когда музыка требовала смыкания новых пар.

Флейм успела обернуться. Картина была достойной кисти лучшего карикатуриста империи: лорд Вейн, уже готовый подхватить свою «добычу», внезапно обнаружил перед собой ледяную эльфийскую аристократку. Один момент абсолютного, звенящего изумления на обоих лицах — и вот они уже неотвратимо сталкиваются. Вейн по инерции сцапал эльфийку за талию, а та посмотрела на его бороду с таким ужасом, будто в ней только что зародилась новая, очень сомнительная цивилизация.

Они были вынуждены дотанцевать этот круг, создавая самую нелепую и несчастную пару в истории Элариса.

А затем тяжелая дубовая дверь в сад захлопнулась, отсекая шум оркестра, тяжелый запах пудры и голос Вейна.

Наступила тишина. Холодная, пахнущая ночными цветами, мокрым камнем и свободой.

Глава 7: Холодная роса

Здесь, за тяжелыми створками дворцовых дверей, мир казался вывернутым наизнанку. Гул бала мгновенно превратился в едва уловимую вибрацию где-то под подошвами туфель, а сапфировые блики магических фонарей, спрятанных в густой листве лип, превращали сад в декорацию к забытой легенде. Свет дрожал на гравийных дорожках, точно осколки разбитого зеркала, а ночной туман медленно полз от фонтанов, обволакивая статуи белых нимф.

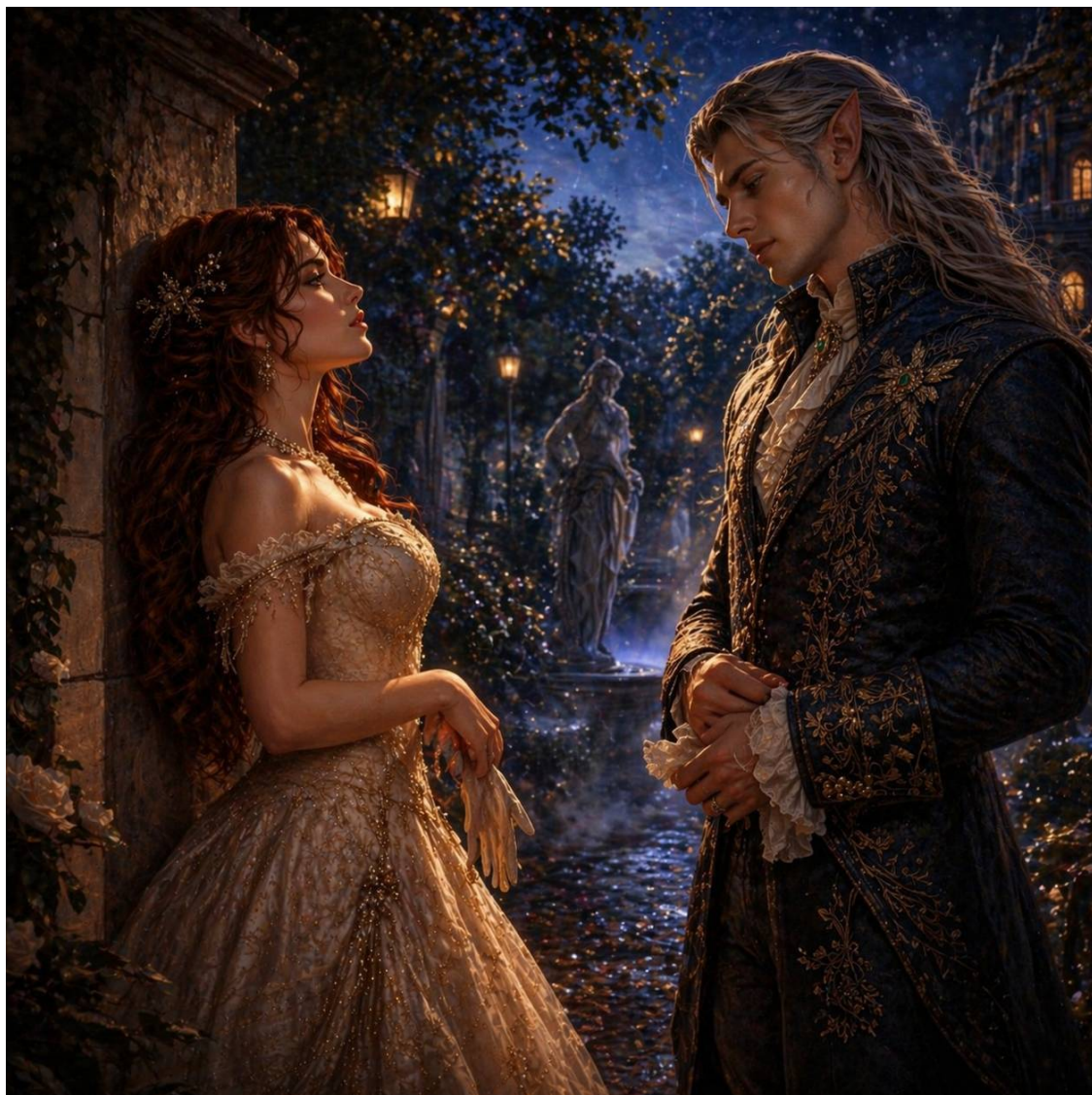
Флейм отошла на несколько шагов, прислонившись спиной к шершавой каменной кладке стены. Она закрыла глаза и жадно вдохнула ночную свежесть, пахнущую мокрой землей и хвоей. Корсет всё еще впивался в ребра, напоминая о рамках приличий, но теперь ледяной воздух наконец начал достигать легких, остужая жар, поднявшийся после танца.

Она обернулась. Эларион стоял у входа, небрежным движением оправляя рукав, за который она его так бесцеремонно утянула. В полумраке его высокая фигура казалась частью садовой архитектуры — такой же неподвижной, безупречной и пугающе холодной.

— Вы ведь понимаете, что я только что совершила светское самоубийство? — спросила Флейм, медленно снимая одну перчатку, чтобы почувствовать пальцами холод камня. В её голосе не было ни капли раскаяния — скорее азарт экспериментатора, который только что смешал два нестабильных реагента и ждет взрыва. — И, кажется, затащила вас в соучастники. Моя мать уже наверняка вычеркнула меня из завещания, а вас — из списка порядочных гостей.

— Как минимум, — отозвался Эларион.

Он подошел ближе, и хруст гравия под его сапогами прозвучал в тишине непривычно резко, почти как выстрел. Он остановился на той грани, где свет фонаря еще не достигал его лица, оставляя глаза в глубокой тени.

— Судя по тому, как побагровел лорд в алой парче, он сейчас всерьез пересматривает свои взгляды на женское воспитание. Боюсь, завтра об этом инциденте будут шептаться даже кухонные крысы. Вас это совсем не пугает?

— Пусть шепчутся, — Флейм откинула голову назад, глядя на звезды, которые в Эларисе всегда казались слишком далекими. — В этом городе слишком много тишины, спрятанной за веерами, и слишком мало настоящих происшествий. А лорд Вейн... он крайне консервативен. Самое худшее, теперь он решит, что мне не хватает строгого ошейника и пары лет в поместье на болотах, чтобы «укротить нрав».

Она горько усмехнулась, чувствуя, как Искра внутри неё протестующе вспыхивает на эту мысль.

— Он не понимает, что огонь нельзя укротить. Его можно только потушить. Но тогда останется лишь зола, которая никому не интересна.

— Значит, это и есть то самое «будущее», которое планирует ваша мать? — Эларион чуть склонил голову, изучая её профиль.

Флейм поморщилась. Ей не хотелось признавать, что её судьба уже упакована в шелк и перевязана долговыми расписками.

— Скажем так: лорд Вейн — это неизбежное зло. Как налоги или сезонная простуда. У нас, людей, нет вашей эльфийской роскоши — откладывать жизнь на «когда-нибудь потом»,

пока не наступит идеальный момент. Моё «потом» наступит слишком быстро. Если я не выберу направление сама, его выберут за меня. А вы?

Она резко повернулась к нему, пытаясь нащупать его границы.

— Не верю, что послы вашего ранга тратят недели на балы просто ради плохой выпивки и созерцания человеческой суеты. Что прячется за вашим «вежливым спокойствием», Эларион?

Эларион замолчал, изучая темный горизонт за стенами сада. На мгновение его маска безупречного дипломата дала трещину, и в этом зазоре Флейм увидела усталость — древнюю, тяжелую, как сами деревья Элварии.

— Моя миссия здесь проста только на бумаге, Флейм. Я — гарант торгового договора. Но такие соглашения в моем мире не живут долго без крови или уз. Через два месяца, по возвращении, я должен объявить о своей помолвке с дочерью наместника южных лесов. Это старая семейная сделка, заключенная еще до моего рождения. Чистая геополитика, завернутая в свадебный обряд.

Флейм замерла. Она ожидала услышать о пошлинах на древесину или секретных союзах, но не об этом. Внутри кольнуло странное чувство — смесь досады и неожиданного, почти родственного сочувствия. Эларион казался ей единственным живым существом в этом механическом зале, а теперь выяснилось, что он — такая же деталь системы, как и она сама. Просто его клетка сделана из более дорогого металла.

— Поздравляю, — произнесла она, и её голос прозвучал суше, чем она планировала. — Кажется, мы в одной лодке. Только мой капитан пахнет табаком и конюшной, а ваша дама, вероятно, благоухает утренней росой, древними песнями и вечностью.

— Роса бывает очень холодной, — коротко отозвался эльф. Его голос стал тише, почти сливаясь с шелестом листвы. — Иногда вечность кажется слишком долгим сроком для того, чтобы провести его рядом с кем-то, кого выбрал не ты.

Он посмотрел на неё — внимательно, почти не мигая. В слабом свете фонарей одна каштановая прядь у её виска, окончательно выбившаяся из прически, затрепетала на ветру. Эларион поднял руку, словно хотел её поправить, но остановился на полпути. Это движение было более красноречивым, чем любой его танец.

Между ними не было искр в привычном смысле — только колющее, горькое понимание двух заложников, которых ведут по разным, но одинаково предписанным маршрутам.

Внезапно музыка за дверью стихла. Финальный аккорд оркестра пронесся над садом и растаял в ночном воздухе. Гранд-марш подошел к концу, и это означало, что время «вне закона» истекло.

Эларион мгновенно выпрямился. Его черты разгладились, становясь непроницаемыми и гладкими, как поверхность застывшего озера. Та мимолетная искра искренности, что согревала его взгляд секунду назад, исчезла за броней безупречной выправки так быстро, что Флейм на секунду показалось, будто их разговор ей приснился. Снова безупречный, снова недостижимый.

— Кажется, торжественная часть закончена, — произнес он, бросив расчетливый взгляд на освещенные окна дворца. — Если мы вернемся сейчас и смешаемся с толпой, сможем выдать наше отсутствие за прогулку ради свежего воздуха. Если задержимся еще на минуту — это станет признанием.

— Признанием в чем? — Флейм вскинула бровь, пытаясь вернуть себе прежнюю ироничную уверенность.

— В том, что нам обоим смертельно скучно в компании наших «судеб», — Эларион сделал плавный жест рукой, приглашая её к двери. — Нам пора, Флейм. Завтра город будет обсуждать этот вечер, и лучше, если у них не будет лишних доказательств.

Флейм кивнула, поправляя злополучный локон. Легкость и свобода, которые она чувствовала минуту назад среди лип и звезд, бесследно исчезли. На их место вернулось привыч-

ное, физическое ощущение тяжести корсета и золотой нити, впивающейся в плечи. Спектакль продолжался.

Глава 8: Следы на коже

Они вернулись в зал в самый разгар финальных аплодисментов — шум, свет и концентрированный запах сотен лилий обрушились на Флейм, как лавина, заставляя её на мгновение зажмуриться от контраста.

Эларион дождался, пока она поправит перчатку, и, когда на них обратились первые любопытные взгляды, совершил безупречный, едва заметно подчеркнутый поклон — так, словно они только что случайно столкнулись у входа и обменялись парой дежурных фраз о погоде. Его движения были отточены годами эльфийского этикета.

— Благодарю за содержательную прогулку, леди Флейм, — произнес он достаточно громко для тех, кто стоял рядом. Его голос был идеально ровным, лишенным той доверительной хрипотцы, что звучала в саду. — Надеюсь, свежий воздух пошел вам на пользу.

— Несомненно, лорд Эларион, — Флейм ответила неглубоким, но технически идеальным реверансом. — Ваше общество было весьма... поучительным.

Она не поворачивала головы, пока он не выпрямился. В его взгляде на долю секунды промелькнуло нечто, похожее на понимающую усмешку — ледяная гладь его официального облика еще не успела застыть окончательно, оставляя крохотную щель для них двоих. Затем он плавно развернулся и исчез в толпе. Его уход был бесшумным: секунду назад он был рядом, а теперь его темно-синий камзол уже мелькал у противоположной стены, возвращаясь в орбиту эльфийской делегации, как будто он никогда её и не покидал.

Флейм медленно пошла через зал, пытаясь отыскать в пестром море нарядов золотистое платье Дары. Она старалась выглядеть непринужденно, хотя корсет снова начал казаться стальной клеткой.

Проходя мимо высокой колонны, обвитой плющом, она почувствовала странный холод. Справа, в тени тяжелых портьер, стояла женщина. Флейм невольно замедлила шаг. Дама была в облаке серебристого шелка, который в медовом свете ламп казался текучим ртутным металлом. Она была безупречна: лицо из бледного нефрита, глаза — два прозрачных кристалла.

В ту же секунду Флейм увидела, как Эларион подошел к этой женщине и, склонив голову, что-то тихо произнес. Дама не ответила, лишь перевела свой ледяной взор на эльфа, а затем снова пригвоздила им Флейм. Воздух вокруг них, казалось, превратился в стекло, готовое треснуть от малейшего звука. Это был взгляд высшего существа, изучающий девушку с тем специфическим спокойствием, с каким ювелир разглядывает трещину в камне.

Флейм упрямо вскинула подбородок, выдержала этот безмолвный экзамен и, не замедляя шага, двинулась дальше.

— Мисс Флейм! — Лорд Вейн возник перед ней, как внезапно выросший риф.

Его глаза лихорадочно блестели, а борода воинственно топорщилась. Он бросил быстрый, полный тяжелого подозрения взгляд туда, где Эларисон замер рядом с серебристой леди.

— Я искал вас! Вы исчезли из виду в самый ответственный момент!

— Прошу прощения, милорд, — Флейм приложила ладонь к основанию шеи, изображая легкую слабость, и её голос зазвучал с той капризной ноткой, которую так любили мужчины его склада. — В зале стало так душно, что у меня перед глазами начали плясать магические искры. Мой лекарь всегда предупреждал, что при моем... огненном темпераменте избыток пудры и чужих духов может привести к позорному обмороку.

Она сделала паузу, позволив Вейну оценить масштаб «трагедии», и добавила с кроткой улыбкой:

— Было бы ужасно, если бы я рухнула прямо на ваши орден. Боюсь, ваша доблесть не выдержала бы такого внезапного груза ответственности. Не смею вас более задерживать. Вы и так проявили истинный героизм, сумев дотанцевать финал марша, в то время как ваши глаза столь самоотверженно прочесывали залу в поисках моей скромной персоны. Вам наверняка

нужно восстановить силы после такого... раздвоения внимания. Мне же необходимо срочно найти мисс Дару — у неё есть те самые редкие соли, которые возвращают меня к жизни.

Вейн открыл рот, явно не зная, верить ей или возмутиться, но Флейм уже ускользнула, оставив его переваривать иронию, надежно замаскированную под женскую хрупкость.

Дара обнаружилась у тарелки с крошечными эклерами. Она не шевелилась, но её взгляд сканировал залу с эффективностью боевого мага, вычисляющего засаду.

— Ты пахнешь ночным дождем и назревающим скандалом, — негромко заметила она, когда Флейм еще была в паре шагов.

— В зале нечем дышать. Это единственный повод, который я готова обсуждать официально.

— «Душно» — самое популярное слово этого вечера, — Дара наконец повернулась, и в её глазах промелькнула тень настоящей тревоги. Она слегка понизила голос. — Флейм, ты заметила, как на тебя смотрела та женщина в серебре у колонн?

— Сложно не заметить взгляд, от которого на коже проступает иней. Кто она?

— Леди Таэл. Мать Элариона. В определенных кругах говорят, что она видит нити судьбы так же ясно, как мы — узоры на этом паркете. И, судя по её лицу, ты только что впутала в её безупречную пряжу очень грязную нитку. Она не любит, когда люди... нарушают симметрию её планов.

Флейм взяла с тарелки пирожное, задумчиво разглядывая его идеальную глазурь, а затем решительно откусила половину.

— Значит, у неё будет повод поупражняться в терпении. Если она привыкла к вечности, то пара минут моего «шума» её не убьет. А если я для неё лишь мимолетная искра, то пусть знает — искры имеют свойство обжигать, если к ним подходить слишком близко.

Дара смотрела на неё секунду, а затем её губы тронула тихая, теплая улыбка. Иногда подругам не нужны были слова; этой улыбки было достаточно, чтобы сказать: «Я вижу. Я рядом. И если ты решишь сжечь этот зал дотла, я подам тебе спички».

Флейм доела десерт, чувствуя, как сладость оседает на языке горечью. Праздник продолжался, но для неё он закончился в тот момент, когда закрылись двери сада.

— Пойдем, — тихо сказала она Даре. — Кажется, лимит моей вежливости на сегодня исчерпан. Если я увижу лорда Вейна еще раз, я забуду про «обморок» и просто случайно вылью на него бокал пунша.

— Одобряю, — Дара поставила свою тарелку на стол. — Твоя мать уже делает знаки кучеру. Постарайся выглядеть... смиренно. Насколько это вообще возможно с твоим лицом.

* * *

Карета везла их домой через засыпающий Эларис.

Город за окном погрузился в глубокую, сизую синеву. Фонарики закончили обход, и улицы превратились в череду длинных теней и редких золотистых пятен света. Флейм прижалась лбом к прохладному стеклу, наблюдая, как огни дворца исчезают за поворотом, а вместе с ними исчезает и та странная, звенящая свобода, которую она ощутила рядом с эльфом.

Внутри кареты пахло сухой лавандой, старым бархатом и тяжелым, почти осязаемым молчанием. Мать сидела напротив — прямая спина, сложенные на коленях руки, лицо, высеченное из тени и усталости. Она заговорила лишь тогда, когда колеса кареты застучали по брусчатке их квартала.

— Ты танцевала с Эларионом из рода Таэл, — произнесла леди Кейрн. Голос в тишине прозвучал сухо, как щелчок взводимого курка.

— Да, мама.

— И ушла с ним в сад.

— Мне было душно. Лорд Вейн слишком... громоздкий для этого зала.

— Флейм.

— Мама.

Леди Кейрн медленно повернула голову. В скудном свете каретных ламп её глаза казались двумя темными колодцами.

— Это не то направление, — тихо, но твердо сказала она. — Я видела, как ты на него смотрела. Я не слепая. И я даже не злюсь. Просто... это направление ведет к обрыву. В мире, который остывает, нам нужно держаться тех, кто может построить стены вокруг нашего дома. Лорд Вейн — это поместья, это золото, это твоя защита в Эларисе. Эларис — это ледяной ветер с севера. Ты сгоришь в его компании, Флейм, и от тебя не останется даже пепла, который можно было бы похоронить.

Флейм отвернулась к окну, чувствуя, как внутри закипает бессильный протест, смешанный с тошнотворным осознанием правоты матери.

— Мы просто говорили, — едва слышно ответила она. — О том, что у каждого из нас своя клетка.

— Разница в том, что его клетка — из вечности, а наша — из необходимости выжить, — отрезала мать. — Забудь этот вечер. Завтра мы начнем обсуждать визит Вейна к нам на следующей неделе.

Флейм не ответила. Это молчание было тяжелее любого обвинения.

Дома она первым делом сорвала с ушей серьги. Тяжелый жемчуг с глухим стуком лег на мраморный столик, словно две крошечные гири. Она рывком расшпилила прическу, и каштановые пряди упали на плечи.

Когда служанка помогла расшнуровать корсет, Флейм сделала глубокий, судорожный вдох. Ребра ныли, на коже остались багровые следы от костяных пластин — цена, которую она платила за право называться «леди». Платье из кремового шелка отправилось на манекен — роскошный, расшитый золотом футляр, который она теперь ненавидела.

Она легла в постель, не зажигая свечей.

За окном город затих. Где-то далеко прокричала ночная птица, а ветер лениво шелестел листвою старого дуба под окном. Флейм смотрела в потолок, вглядываясь в игру теней.

Мама была права — направления не было. Был только один вечер, один разговор и одна маленькая победа над предписанным маршрутом. И всё же, закрывая глаза, Флейм всё еще чувствовала тепло его руки на своей талии.

Она вспомнила его слова: «Роса бывает очень холодной». Теперь она понимала, что он имел в виду. Но даже этот холод был лучше, чем удушливое тепло лорда Вейна.

Жизнь была короткой, её Искра — опасной, а будущее — пугающим. Но сегодня она была живой. И этого было достаточно, чтобы дождаться завтрашнего дня.

Леди Таэл видит нити судьбы так ясно, будто они уже сотканы в безупречный эльфийский узор. Но что, если эта идеальная пряжа слишком хрупкая, и через шесть веков от нее не останется и следа?

Загляните в далекое будущее этой вселенной! Туда, где великий эльфийский мегаполис Элвария закроется от мира магическим щитом, а высокомерный Совет будет свято оберегать свои мрачные тайны. Пока в город не явится дерзкая полукровка-картограф Рен, готовая взломать этот барьер и найти все черные ходы. Узнайте, к чему приведут ошибки прошлого, в уже завершённом романе

[«Чужая кровь — брешь в барьере»!](#)

[###ЧИТАТЬ###](#)

Глава 9: Урок огня

Утро пахло не лавандой и не пыльными портьерами поместья Кейрн. Оно пахло женой серой, старым пергаментом и тем специфическим металлическим привкусом, который зависает в воздухе после пары десятков неудачных заклинаний трансформации.

Для Флейм это был запах дома. Настоящего.

Она стояла перед массивной дубовой дверью аудитории №402, которую студенты между собой называли «Кузницей искр». На ней сегодня было старое рабочее платье из плотной серой шерсти с закатанными по локоть рукавами — никаких корсетов, никакой золотой нити. Только удобные кожаные сапоги и кожаный фартук, изрезанный мелкими подпалинами, как карта боевых действий.

Она толкнула дверь, и в лицо тут же ударил многоголосый гул.

— ...я тебе говорю, если добавить корень мандрагоры в настойку для стабилизации, она рванет еще до того, как ты скажешь «мама»!

— А если не добавлять, то это не эликсир, а подогретый компот...

Флейм зашла, небрежно бросив сумку с учебниками на край кафедры. Гул не стих, но его тональность изменилась — в нем появилось то самое живое ожидание, которое бывает только в аудиториях, где между преподавателем и студентами нет стены из пыльных догм — только чистый азарт и запах надвигающегося эксперимента.

— Доброе утро, будущие покорители стихий и потенциальные разрушители нашего левого крыла, — Флейм оперлась ладонями о кафедру, обводя зал внимательным взглядом. — Прежде чем мы начнем мучить теорию огненных потоков, я хочу прояснить один момент по поводу... состава воздуха в этой аудитории. А точнее — его вопиющей неакадемичности.

В зале повисла пауза. Студенты — пестрая толпа из людей, парочки эльфов-первокурсников и одного массивного гнома, который едва втискивался за парту — замерли.

— Джейнс, — Флейм прищурилась, глядя на пухлого паренька в третьем ряду, который вдруг перестал дышать. — Если то, что ты так интенсивно прячешь под партой, не является редким магическим ингредиентом, то у меня для тебя плохие новости. Выкладывай на стол. Мы всё равно не сможем сосредоточиться на теории, пока этот аромат дразнит половину курса.

Джейнс медленно сглотнул и с обреченным видом выложил на стол надкушенный пирог. Аромат свежей вишни и теплой сдобы мгновенно заполнил аудиторию, вступив в беспощадную схватку с запахом серы и старой бумаги.

— Мама дала с собой, мисс Флейм... — пробормотал он, глядя в стол. — Сказала, на пустой желудок искра не идет. Мол, в животе должно быть тепло, чтобы и в руках огонь зажегся.

— Твоя мама — мудрая женщина, Джейнс, — Флейм щелкнула пальцами. Маленький золотистый огонек сорвался с её ногтя, пролетел через ползала и на мгновение окутал пирог. Над выпечкой снова поднялся аппетитный пар. — Доедай. Но если хоть одна крошка упадет на свиток с формулами — будешь переписывать весь сегодняшний трактат на языке гномов. С соблюдением всех надстрочных знаков.

По аудитории прокатился смешок, а Джейнс, просияв, впился в потеплевший пирог. Флейм выпрямилась, и её лицо стало серьезнее.

— Раз уж мама Джейнса затронула тему «внутреннего тепла», сегодня мы поговорим о том, что учебники обычно игнорируют. Тема занятия: «Сродство и контроль». Откройте двенадцатую главу... и тут же закройте её. Забудьте. Текст, который там написан, был актуален, когда драконы еще считались хорошим средством передвижения. Сегодня мы будем учиться не «управлять» огнем. Мы будем учиться с ним договариваться. — Флейм замолчала на секунду, давая словам осесть. — Задание на сегодня простое до идиотизма и сложное до слез. Перед

вами стоят свечи. Ваша задача — зажечь их. Но! — она подняла палец, пресекая попытки немедленно шелкнуть пальцами. — Без использования заученных формул. Никаких «Игнис» и никаких чертежей в воздухе. Вы должны позвать огонь так, будто просите старого друга зайти на чай. Закройте глаза. Почувствуйте пульс в кончиках пальцев. И когда почувствуете, что он готов — просто уберите преграду. Начинайте.

В аудитории воцарилась странная, напряженная тишина, изредка прерываемая натужным сопением студентов.

Флейм прошла между рядами. Её присутствие ощущалось как легкое колебание горячего воздуха — студенты невольно выпрямлялись, когда она оказывалась рядом. Она подмечала каждую деталь: вот халфлинг на первой парте зажмурился так сильно, что у него задрожали уши; вот молодая эльфийка с безупречной осанкой смотрит на свою свечу с тем самым вежливым скепсисом, который Флейм видела вчера на балу. В этом взгляде читалось: «Чему нас может научить эта „вспышка“? Мы зажигаем огни силой мысли, пока эти люди еще учатся ходить».

Флейм не спорила. Она просто шла дальше, пока не остановилась возле Леры.

Девочка была совсем юной, из тех «первоцветов», чья искра проснулась позже обычного и сразу напугала владельца. Лира сидела, вцепившись пальцами в край парты так, что побелели костяшки. Перед ней на медной подставке стояла простая свеча. Фитиль был девственно чист. Каждый раз, когда девочка пыталась сконцентрироваться, её пальцы начинали мелко дрожать, и зарождающийся жар гас, захлебываясь в её собственном страхе.

— Она меня укусит, — прошептала Лира, не поднимая глаз. — Если я её выпущу... она всё здесь сожжет. Как тогда, в сарае.

Флейм медленно опустилась на корточки рядом с её партой, так, чтобы их глаза были на одном уровне. Для всей остальной аудитории она просто проверяла задание, но для Леры мир сузился до этого теплого, уверенного голоса.

— Знаешь, Лира, почему старые маги пишут такие длинные и тяжелые трактаты о контроле? — спросила Флейм, кивнув на закрытый учебник.

Девочка едва заметно мотнула головой.

— Потому что они сами до смерти напуганы, — Флейм мягко накрыла ладонью дрожащие пальцы ученицы. Её рука была горячее, почти обжигающей, но это было живое, защищающее тепло. — Они строят вокруг огня клетки из слов и цепи из формул, потому что не верят, что с пламенем можно дружить. Но огонь — это не дикий зверь, которого нужно держать на привязи. Помнишь, что сказала мама Джейнса? «В животе должно быть тепло».

Лира несмело взглянула на Джейнса, который всё еще дожевывал свой пирог, и уголок её рта дрогнул.

— Твоя искра — это просто часть тебя, которая хочет выйти наружу и поздороваться, — продолжила Флейм. — Она отражает то, что у тебя внутри. Если там война — она будет жечь. Если там мир — она будет светить. Флейм взяла руку Леры и подвела её к фитилю, но не коснулась его. — Не старайся высечь огонь. Просто разреши ему быть. Представь, что это не пламя, а твое собственное дыхание, которое стало видимым. Ты же не боишься дышать?

Лира зажмурилась, делая глубокий вдох. Флейм заговорила совсем тихо, почти нараспев, обращаясь не столько к девочке, сколько к самой стихии, пульсирующей под кожей ученицы:

— Ну же, милый... не пугай её. Ты ей нужен. Давай, просто маленькое «привет».

В тишине аудитории послышался сухой, чистый шелчок. Тонкий золотистый язычок пламени робко лизнул фитиль и расцвел ровным, спокойным светом. Он не метался и не коптил. Он просто горел, отражаясь в расширившихся от изумления глазах Леры.

Девочка медленно выдохнула, и её плечи впервые за всё занятие расслабились.

— Получилось... — выдохнула она, заворуженно глядя на крошечный огонек. — Он теплый. Совсем не злой.

— Он такой, каким ты его видишь, — Флейм поднялась и подмигнула ей. — Запомни это ощущение, Лира. Магия — это не битва за власть и не дрессировка хищника. Это диалог. И сегодня ты впервые услышала, что тебе ответили.

Флейм выпрямилась и обвела взглядом класс. Даже скептическая эльфийка на мгновение забыла о своей маске превосходства, глядя на ровный свет свечи Лире.

Флейм вернулась к кафедре, чувствуя, как внутри неё самой искра довольно мурлычет. Этот момент стоил десяти балов и сотни лордов Вейнов.

— Итак! — Флейм хлопнула в ладоши, возвращая внимание класса. — Поскольку Лира только что доказала, что контакт установлен, а Джейнс почти доел свой пирог, у меня для вас сюрприз.

Студенты напряглись. «Сюрпризы» мисс Флейм обычно означали внеплановые практические испытания на полигоне.

— Сегодня в библиотеке архива Согласия открывается выставка древних манускриптов стихий. Это скучно, пыльно и совершенно необходимо для ваших зачетов. Поэтому, — она посмотрела на песочные часы на столе, где песок еще не пересыпался и на треть. — Занятие

закончено. Марш в библиотеку. И если я узнаю, что кто-то из вас вместо этого ушел в кондитерскую к халфлингам... я не расстроюсь. Но на следующей лекции заставлю зажигать свечи взглядом. С десяти шагов. С закрытыми глазами.

Аудитория взорвалась восторженным ревом. Студенты начали спешно сгребать вещи.

— Мисс Флейм, вы лучшая! — крикнул Джейнс, уже на бегу запихивая в рот последний кусок пирога.

Лира задержалась у парты, глядя на свою маленькую свечу. Она осторожно, кончиками пальцев погасила пламя и улыбнулась Флейм — открыто и счастливо.

Когда последний студент выскочил за дверь, в классе повисла уютная тишина. Флейм подошла к окну. Эларис заливало яркое утреннее солнце. Столица жила: по улице прогрохотала телега, где-то вдалеке перекликались торговцы.

Она потянулась, чувствуя приятную легкость в теле. Никакого корсета. Никаких обязательств. Только впереди — целый день в городе, который она любила.

Она подхватила сумку, погасила остальные свечи одним коротким жестом и вышла в коридор, не оборачиваясь. У неё было предчувствие, что сегодня Эларис покажет ей что-то, чего она еще не видела.

Глава 10: География случайных встреч

Рынок Центрального квартала встретил Флейм так, как встречает старый, шумный и слегка нетрезвый родственник — оглушительным многоголосьем, запахом жареного масла и облаком специй, от которых чесалось в носу. После стерильной тишины Академии этот хаос казался целебным. Здесь никто не требовал от неё безупречных формул; здесь жизнь текла сама по себе, подчиняясь лишь законам спроса и предложения.

Флейм лавировала между лотками с грацией уличной кошки, то и дело поправляя сумку, которая настойчиво била её по бедру. Она обогнула массивную телегу гнома, груженную необработанным малахитом — тяжелые камни впитывали солнечный свет, отливая холодным изумрудом. В следующую секунду она едва не столкнулась с халфлингом, который нес над головой огромный поднос с дымящимися медовыми сотами. Золотистый мед тягучими каплями застывал на краях, блестя на солнце, точно расплавленный янтарь.

— Берегись, магесса! — хохотнул он, уворачиваясь в последний момент так ловко, что ни одна капля не упала на мостовую. — Один твой взгляд — и мой мед закипит прямо на подносе!

— Мои глаза сегодня полны меловой пыли, Тим, — откликнулась она, не сбавляя шага и даже не оборачиваясь. — Так что твой товар в полной безопасности.

Она любила это место. Рынок был сердцем Элариса, где эльфийские шелка соседствовали с гномьей сталью, а человеческая суэта скрепляла всё это в единый, пульсирующий узор.

У книжной лавки «Старый фолиант» время словно густело. Здесь было тише. Здесь пахло пылью, высушенной кожей и тем особым спокойствием, которое источают книги, пережившие не одно поколение читателей. Флейм замедлила шаг, стараясь не спугнуть эту тишину. Её сердце пропустило удар — секундный сбой в привычном ритме, который она тут же мысленно списала на быструю ходьбу и слишком крепкий утренний чай.

Эларийон стоял у крайнего стеллажа, почти сливаясь с тенью высокого шкафа. Он выглядел совершенно неуместно среди рыночной пыли: в своем безупречном темно-сером камзоле, с идеально уложенными серебристыми волосами, которые, казалось, игнорировали законы гравитации и городского ветра. Он медленно перелистывал тонкие страницы какого-то атласа. Флейм замерла на секунду, любуясь его пальцами — длинными, чуткими, прикасавшимися к бумаге так, словно это был живой лепесток редкого цветка.

Он не мог её видеть. Он стоял к ней спиной, полностью поглощенный чтением. Но в ту секунду, когда она решила сделать первый шаг, Эларийон чуть повернул голову, всё еще не отрывая взгляда от страницы.

— Воздух вокруг вас всегда начинает вибрировать прежде, чем вы сделаете шаг, Флейм, — произнес он негромко, и его голос в тишине переулка прозвучал как глубокая, вибрирующая нота виолончели. — Вчера это был жар лесного пожара, сегодня — скорее тепло прогретого солнцем камня.

Он наконец закрыл книгу и перевел взгляд на Флейм. В тени книжной лавки его глаза казались не серыми, а глубоко-зелеными, как мох в чаще древнего леса после долгого дождя.

— Это не вибрация, это моё возмущение от того, что вы до сих пор не купили эту книгу, хотя смотрите на неё последние пять минут, — Флейм подошла вплотную, заглядывая через его плечо с той самой бесцеремонностью, которая заставила бы её мать упасть в обморок. — «Флора окраинных лесов»? Seriously? Вы ищете там что-то конкретное или просто проверяете, не забыли ли авторы упомянуть ваши любимые сосны?

Уголок его губ едва заметно дрогнул в тени улыбки.

— Я проверяю точность зарисовок корней, — спокойно ответил он, возвращая фолиант на полку с такой аккуратностью, будто это был спящий ребенок. — Магия земли начинается не с кроны, которая тянется к солнцу, а с того, что надежно скрыто от глаз. Вы ведь тоже предпочитаете смотреть в самую суть вещей, не так ли?

Он развернулся. Флейм почувствовала, как его внимательный взгляд сканирует её — растрепанную после утренней лекции, в рабочем платье с пятнышком чернил на манжете. Она знала, что должна ответить что-то мудрое, подчеркнуть свою принадлежность к магической элите, но в этот момент резкий порыв ветра ворвался в узкий проулок между лавками.

Он взметнул подол её платья, заставил затрепетать старые вывески и донес со стороны торговых рядов густой, обволакивающий аромат свежей корицы, дрожжевого теста и томленной вишни.

Этот запах Флейм узнала бы из тысячи. Ровно три часа назад он бессовестно захватил её аудиторию, вытесняя скучные формулы термодинамики и заставляя студентов мечтать о чем угодно, кроме контроля над искрами.

Эларис замолчал на полуслове. Его ноздри едва заметно дрогнули. Флейм увидела, как его взгляд на мгновение сместился за её плечо, к источнику этого настойчивого, почти осяза-

емого запаха. Маска дипломатической отстраненности на секунду дала сбой, уступив место самому обычному, земному любопытству.

Флейм поймала этот взгляд и не смогла сдержать торжествующей улыбки. Её собственный желудок, предательски проигнорировавший завтрак ради лишних десяти минут сна, согласно отозвался на запах.

— Кажется, сама «суть вещей» только что пролетела мимо вашего носа, Эларион, — она демонстративно принялась, окончательно разрушая атмосферу философской беседы. — Корни — это, конечно, важно для вечности, но здесь, через дорогу, в лавке тетушки Марты, выпекают «суть» с вишневой начинкой. И поверьте, она гораздо убедительнее любых атласов и пыльных пергаментов.

Эларион снова посмотрел на неё — с этими её сияющими искрами в глазах и полным отсутствием светского этикета. Его плечи наконец расслабились, а взгляд стал более живым, почти теплым.

— В Элварии мы можем часами обсуждать теорию равновесия, прежде чем приступить к трапезе, — признал он, отступая от стеллажа и делая приглашающий жест рукой. — Но против вишневых аргументов у меня, кажется, нет защиты. Ведите, Флейм. Мои планы на спокойное утро только что капитулировали перед вашей решительностью.

Глава 11: Тепло на ладонях

Лавка тетушки Марты, зажатая между пафосным ювелиром и шумным торговцем пряностями, была похожа на маленькую крепость уюта. Здесь не было эльфийского изящества или гномьей мощи — только чарующий аромат дрожжевого теста, подгоревшего сахара и безграничного человеческого гостеприимства.

Над дверью звякнул колокольчик, и Флейм первой нырнула в густой, обволакивающий жар пекарни. Внутри было тесно; солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь маленькие окна, вязли в облаке мучной пыли, превращаясь в осязаемые золотые столбы.

— Святые угодники, Флейм! — Марта, вытирая руки о передник, расплылась в широкой улыбке. — Ты сегодня рано. Мой Джейнс прибежал час назад, всё заикался, что ты сегодня «в ударе». Ох, милая, ты уж прости его. Знала бы, что этот сорванец потащит пирог прямо на лекцию, я бы ему этот кусок в рот затолкала еще на пороге!

— Всё в порядке, Марта, — Флейм оперлась локтем о прилавок, улыбаясь женщине. — Наоборот, этот случай помог паре моих самых упрямых студентов наконец осознать, что магия требует живого тепла, а не только сухих формул.

Марта облегченно выдохнула, но тут её взгляд скользнул за плечо Флейм. Улыбка на её лице на мгновение замерла, сменившись выражением крайнего изумления.

— Боги, девочка, ты привела к нам принца? — прошептала пекарша, суетливо поправляя чепец.

Эларион, всё так же безупречно прямой и неуместно аристократичный в этой тесной каморке, вежливо наклонил голову.

— Почти, Марта, — Флейм лукаво подмигнула женщине. — Это эльфийский дипломат, и он страдает от критического избытка серьезности. Спасти его от этой напасти может только двойная порция твоих конвертиков с вишней.

— Ох... доброго, ваша светлость... то есть, господин, — Марта всплеснула руками, окончательно растерявшись. — Что же я стою? Присаживайтесь скорее за любой свободный столик, а я вам сейчас всё принесу!

Они двинулись вглубь лавки. В углу, у самого окна, Флейм заметила крошечный столик, заваленный чистыми салфетками. Там было уютно: свет падал на старое дерево столешницы, а от окна тянуло свежестью, разбавлявшей жар печей.

Эларион, не дожидаясь, пока Флейм подойдет, галантным и отточенным движением отодвинул для неё стул. Его манеры были настолько естественными, что даже в этой тесноте они не казались наигранными. Флейм с благодарностью кивнула и уселась, наблюдая, как он занимает место напротив с достоинством дипломата, оказавшегося на важном приёме.

Через минуту Марта уже была рядом с подносом, от которого исходил густой аромат корицы и томленной вишни.

— Кушайте на здоровье, ваша светлость... и ты, милая, — Марта осторожно поставила свёртки на стол, бросив на Элариона еще один быстрый, полный любопытства взгляд — За счет заведения, — и напоследок, одарив Флейм, хитрой улыбкой, скрылась на кухне.

Эларион осторожно взял горячий сверток длинными, чуткими пальцами. Он держал его так бережно, словно это был бесценный манускрипт или хрупкий артефакт древней эпохи, а не обычная уличная выпечка.

— Вы на него так смотрите, будто ждете от него верительных грамот и официального представления, — Флейм уже решительно расправлялась со своей порцией, не заботясь о крошках сахара на губах. — Просто ешьте. Вишня не признает дипломатического протокола.

Эларион откусил кусочек. Его брови на мгновение взлетели вверх, а взгляд наполнился тем самым «земным» удивлением, которое Флейм так жаждала увидеть.

Эларион откусил кусочек. Его брови на мгновение взлетели вверх, а взгляд наполнился тем самым «земным» удивлением, которое Флейм так жаждала увидеть.

— Это... — он замолчал, подбирая слово. — Это обезоруживающе.

Он снова взглянул на пирожок, на этот раз с исследовательским интересом, словно пытался разложить его на магические составляющие.

— Я чувствую здесь нотку эл'исси — мы называем так корень горного подснежника, который растет на самых кручах Элварии, — он чуть прищурился, вдыхая пар. — Удивительно встретить его здесь, в простом тесте. Он придает вишне ту самую глубину, которая заставляет время замереть.

— Марта называет это «секретной щепоткой бадьяна», — Флейм хмыкнула, слизывая каплю сока с уголка губ. — Но ваше название звучит куда более... поэтично. Хотя суть та же: это просто вкусно.

Они сидели в тишине, нарушаемой лишь суетой рынка за окном и редким звяканьем посуды на кухне. Флейм видела, как Эларион постепенно расслабляется. Его движения теряли ту натянутую струну, которая была так заметна на балу. Он просто сидел напротив и ел вишневый конвертик, как самый обычный житель Элариса. И в этом было куда больше правды, чем во всех его официальных титулах.

— Мне нужно вернуться в посольство к третьему часу, — произнес он наконец, аккуратно сворачивая пустой бумажный сверток. — Бумаги не умеют ждать так же терпеливо, как эльфы.

— А мне пора в лаборатории, — Флейм нехотя поднялась, закидывая сумку на плечо. — Завтрашний эксперимент сам себя не подготовит. А если я оставлю это на утро, Джейнс точно подожжет что-нибудь важное. Например, мою репутацию.

— Тогда нам по пути, — Эларион поднялся следом, галантно пропуская её к выходу.

Они вышли из пекарни, и шум Центрального квартала снова обрушился на них, но теперь он не казался Флейм таким оглушительным. У фонтана, изображающего морского змея, собралась толпа. В центре, стоя на перевернутом ящике, халфлинг в невероятно пестром жилете самозабвенно терзал маленькую скрипку. Музыка была быстрой, дерзкой, с теми самыми рваными синкопами, которые Флейм так любила. Это не было похоже на дворцовый оркестр; в этих звуках слышался бег лесного ручья по камням и звон медяков в кружке.

Флейм замерла. Она слушала, чуть покачивая головой в такт, и на её лице расцвела та самая безотчетная, яркая радость, которую невозможно отрепетировать перед зеркалом.

— Это «Танец поджаристых корок»! — крикнула она Элариону через плечо, пытаясь перекрыть музыку. — Старая песня пекарей! Под неё невозможно просто стоять!

Она не заметила, как Эларион перестал смотреть на музыканта. Он смотрел на неё. Видел, как ветерок забавляется с её каштановыми волосами, как вспыхивают золотые искры в её глазах. Она была в этот момент абсолютно синхронна с городом и самим ощущением жизни.

Для Элариона, привыкшего к выверенным, ритуальным движениям эльфийских танцовщиц, эта спонтанность была сродни удару молнии. Пугающая, яркая и... бесконечно притягательная.

Музыка оборвалась на высокой, звонкой ноте. Халфлинг отвесил шутливый поклон, и толпа взорвалась аплодисментами. Флейм, смеясь, бросила в его шляпу серебряную монету — слишком щедрую для обычного уличного слушателя.

— Это было потрясающе! — воскликнула она, оборачиваясь к Элариону. — Правда?

— Это было... — Эларион на мгновение замялся. — Жизненно. Я никогда не видел, чтобы кто-то умел так... присутствовать в моменте.

Флейм внезапно почувствовала себя неловко под этим прямым взглядом. Она поправила сумку и ускорила шаг.

Они дошли до Большого Кольца — места, где Эларис разделялся на кварталы. Прямо перед ними уходила вверх широкая, мощенная белым камнем дорога в Верхний город, к посольствам и дворцам. Влево вели узкие, запутанные улочки Ремесленного района.

Это был естественный финал их прогулки. Магия «пирожков и музыки» начала рассеиваться, уступая место реальности, где один был посланником великого эльфийского народа, а другая — дочерью обедневшего дворянского рода с крайне сомнительным будущим.

Флейм остановилась у указательного столба, обитого медью.

— Ну вот и всё, — она постаралась придать голосу будничность. — Ваша дорога — наверх, к вашим отчетам и вежливому чаю. Моя — вниз, в лабораторию, где меня ждет пара ведер несгоревшей магнезии.

Эларион не спешил уходить. Он стоял, засунув руки в карманы дорожного плаща, и смотрел на шпили Академии, видневшиеся вдалеке.

— Вы завтра тоже будете там? В Академии?

— Естественно — Флейм фыркнула, — Магия сама себя не преподаст. К сожалению, я единственный человек в этом заведении, кто не боится подпалить себе брови ради науки.

Эльф кивнул, словно подтверждая какую-то свою мысль.

— В библиотеке северного квартала после третьего часа обычно очень тихо. Там есть архив Согласия, где хранятся манускрипты о первой магии стихий. Говорят, библиотекаря Моссу скучно в одиночестве. Это просто информация, к слову.

Он посмотрел на неё — и в глубине его зрачков Флейм увидела тот самый азарт, который вчера вспыхнул во время их танца. Это был вызов. Предложение еще одного побега, замаскированного под научный интерес.

— До свидания, Флейм.

Эларион коротко склонил голову, и, недожидаясь ответа пошел вверх по склону. Его серый плащ быстро затерялся среди ярких одежд богатых горожан.

Флейм смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри зарождается предвешение. «Информация к слову», значит?

— Информация принята, дипломат, — шепнула она себе под нос и решительно зашагала к лабораториям.

Глава 12: Зеркало и время

Вечер в доме Кейрнов всегда наступал раньше, чем в остальном городе. Тени здесь были длиннее, а тишина — тяжелее, словно старые стены впитывали звуки дневной суеты и превращали их в гулкое эхо.

Флейм надеялась проскользнуть к себе незамеченной. Она всё еще чувствовала на губах вкус вишни, а в ушах — ритм скрипки того халфлинга. Но когда она проходила мимо малой гостиной, дверь приоткрылась.

— Зайди, Искорка.

Это старое детское прозвище, которое мать использовала крайне редко, заставило Флейм остановиться. Она вошла. Леди Кейрн сидела у камина. Огонь в нем почти прогорел, оставив лишь малиновое свечение углей. Мать не читала и не вышивала — она просто смотрела на пламя, и в этом полумраке её лицо казалось вырезанным из слоновой кости. Перед ней на низком столике стоял серебряный поднос с чашкой травяного чая.

— Ты пахнешь озоном и жженой медью, — не оборачиваясь, заметила леди Кейрн. — Ты снова заперлась в лаборатории после занятий?

Флейм машинально потерла кончики пальцев — на них всё еще ощущалось покалывание после стабилизации солей магния.

— Нужно было довести до ума один эксперимент, — ответила она, глядя на угасающие угли в камине. — Я так увлеклась, что не заметила, как наступил вечер. Магия требует точности, мама. Стоит ошибиться в пропорциях на волосок — и вместо чистого пламени получишь облако едкой гари.

— Магия требует не только точности, Флейм. Она требует всей тебя, — мать наконец подняла глаза. В них не было гнева — только какая-то бесконечная, выматывающая усталость. Она медленно протянула руку и коснулась щеки дочери. Пальцы матери были прохладными, как остывший пепел.

— Вчера в карете я была резка. Весь день корила себя. Ты взрослая женщина, преподаватель Академии, а я говорила с тобой как с ребенком. Прости меня.

Флейм растерялась. Она ожидала всего что угодно, но не этого покаянного шепота.

— Всё в порядке, мам. Я понимаю... ты беспокоишься о долгах рода.

— Не только о них. Деньги — это просто бумага и металл, их можно заработать или украсть. Сегодня я хочу поговорить с тобой о единственной валюте, которую нельзя вернуть. О времени.

Она медленно встала и подошла к зеркалу в бронзовой раме, у которого они стояли вчера перед балом.

— Подойди сюда.

Флейм неохотно подчинилась, оказавшись за спиной матери. Вчера это зеркало показывало «завершенную картину» и «дерзкий набросок». Сегодня, без грима и корсетов, отражение казалось беспощадным.

— Видишь это? — мать коснулась пальцем едва заметной сеточки морщин у своих глаз. — Я была такой же, как ты. Моя искра была не такой сильной, но она была. Я помню, как бегала по рынку, как смеялась над глупыми шутками молодых дворян. Мне казалось, что этот полдень будет длиться вечно. Но у человеческой жизни есть одно проклятие, Флейм. Мы меняемся. Каждое утро зеркало забирает у нас по капле света.

Леди Кейрн медленно повернула голову. Её взгляд был прозрачным и острым, как битое стекло.

— Мадам Тиссо видела тебя сегодня в Книжном лавке. Сказала, ты была не одна...

Флейм похолодела. Удар был нанесен мастерски — под прикрытием нежности.

— Мы... просто столкнулись случайно, — голос Флейм прозвучал хрипло. — Он... он ищет редкие манускрипты.

— Конечно, — мать горько улыбнулась и снова повернулась к зеркалу. — Ты думаешь, я боюсь за твоё целомудрие? Или за репутацию перед Вейном? Глупости. Я боюсь за твоё сердце. Посмотри в отражение и представь его рядом.

Воображение Флейм послушно дорисовало за плечом высокую фигуру в сером плаще.

— Он — из рода Таэл, — тихо продолжила мать. — Он видел, как строился этот город, и увидит, как он превратится в руины. Через сорок лет я буду лежать в сырой земле, а ты будешь стоять здесь, и твои руки будут дрожать. Твоё внутреннее пламя начнет гаснуть, потому что тело станет для него слишком хрупким сосудом. Ты станешь... мной. Или даже старше.

Мать сделала паузу, и Флейм почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— А теперь скажи мне: что в этот момент будет делать Эларион? Он будет стоять рядом с тобой, такой же безупречный, как сегодня. Его кожа будет такой же гладкой. Его дыхание — таким же легким. Он будет смотреть на твоё увядание с той вежливой эльфийской скорбью, с которой мы смотрим на букет в вазе. Красиво, печально... и совершенно неизбежно.

— Мама, хватит...

— Нет, не хватит! — голос леди Кейрн сорвался на шепот, полный боли. Она повернулась и взяла руку Флейм — теплую, живую — прижала её к своей щеке, сухой и прохладной, как старый пергамент. — Жить с эльфом для человеческой женщины — это не роман в стихах. Это пытка. Это значит каждый день видеть в его глазах доказательство собственной смерти. Ты хочешь стать для него короткой главой? Вспышкой, о которой он будет вспоминать с легкой улыбкой следующие пятьсот лет своей скучной, вечной жизни?

Мать отпустила её руку и закрыла глаза.

— Лорд Вейн состарится вместе с тобой. Вы будете сидеть у этого камина, вспоминать общую молодость и вместе уходить в сумерки. В этом есть своеобразное милосердие — не быть единственным, кто меняется, пока партнер остается божественно прекрасным.

Флейм смотрела в зеркало, и ей казалось, что её собственная душа внутри сжимается, превращаясь в крошечную, испуганную точку. Образ Элариона в её мыслях теперь был неразрывно связан с этим холодным, вечным сиянием, которое не греет, а лишь подчеркивает темноту.

— Я просто гуляла с ним, мама, — выдохнула Флейм, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы злости и бессилия. — Один день. Я просто хотела почувствовать себя живой, а не... «наброском» или «партией для брака».

— Ты и так живая, — мать медленно вернулась в свое кресло и снова устала на угли. — Я не запрещаю тебе видеть его. Это было бы глупо. Я просто прошу тебя... каждый раз, когда ты будешь смотреть в его глаза, вспоминай это зеркало.

Флейм ничего не ответила. Горло сдавило спазмом.

— Доброй ночи, мама, — выдохнула она и почти выбежала из комнаты.

Весь восторг дня теперь казался ей пеплом на языке. Она заперлась в своей спальне и рухнула на кровать, не зажигая огня. В темноте слова матери звучали еще громче.

«Короткая глава в его книге».

Она вспомнила его взгляд в лавке у фонтана. Могла ли она действительно стать для него просто мгновением, которое забудется с рассветом? Флейм сжала кулаки. Где-то там, в северном квартале, стояла старая библиотека, и часы неумолимо отсчитывали время до «третьего часа». Мать хотела напугать её старостью, но вместо этого она разожгла в Флейм яростное, почти болезненное желание доказать обратное.

«Если я — всего лишь вспышка, — подумала она, — то я буду гореть так ярко, что все эльфы ослепнут. Что даже через пятьсот лет, глядя на северное сияние, они будут видеть только меня».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.